

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Б46

Jennifer Benkau
ONE TRUE QUEEN
VON STERNEN GEKRONT

© 2019 Ravensburger Verlag GmbH
Copyright 2019 © Jennifer Benkau

Дизайн переплета и карты на форзаце:
Carolin Liepins, München.

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Aleshyn_Andrei, Chinawooth Sakaew, MAKOVSKY ART, Romolo Tavani,
Andrekart Photography, Azamat Fisun, ollen, iiphevgeniy, Katerina Era,
Alexander_P, Bodor Tivadar / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перевод с немецкого *Марии Дуденковой*

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Бенкау, Дженнифер.

Б46 Одна истинная королева. Книга 1 / Дженнифер Бенкау ;
[перевод с немецкого М. Дуденковой]. — Москва : Эксмо,
2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-115672-5

Юная Майлин возвращалась домой, когда внезапно все вокруг погрузилось во тьму. Она очнулась в мрачном лесу, где повсюду таилась опасность. Загадочный незнакомец спас ее из смертельной ловушки. Он предложил сопроводить девушку до столицы королевства Лиаской. Так Майлин узнала, что переместилась в другой мир.

Но только добравшись до города, она поняла, что оказалась здесь не случайно. Майлин должна стать новой королевой. Ей придется принять свою судьбу или найти способ вернуться домой. Ведь в Лиаскае королевы умирают молодыми.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-115672-5

© М. Дуденкова, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Столько книг.
А ты берешь именно эту.*

ГЛАВА

1

Сколько же мужества требуется, чтобы открыть книгу!..

«Алиса в Стране чудес». Сегодня нарушаю одно правило за другим, чего уж там, неприятностей в жизни мне хватает. Даже если бы я подожгла крышу нашего дома — это показалось бы бесцветным и невзрачным пустяком по сравнению с тем, что я натворила. Меня до сих пор трясет от ярости.

Над губой Вики коричневые усики от какао — доказательство моего последнего невинного проступка. Обычно какао ей полагается только по выходным. Но сегодня мама точно не скажет: «Вики совсем не сжигает калории, от сладкого она толстеет и болеет». У нас появятся заботы посерьезнее, когда она вернется домой.

— Ну, ты готова?

Сестра улыбается. Взгляд усталый, словно она не спала несколько дней, хотя сон ее единственное занятие. И все равно она улыбается.

Читаю медленно, делаю паузы, то и дело на нее поглядываю. Отмечаю каждое движение век, шевеление губ, малейшие признаки волнения. Как лежат ее руки — свободно и расслабленно? Как поднимается и опускается грудная клетка — мерно, в одном ритме? Многочисленные Тедди и другие плюшевые игрушки наблюдают за мной, мордочки у них вроде бы вполне дружелюбные, но осуждающие.

Кажется, Вики по душе стишок, которым открывается сказка Льюиса Кэрролла. Она вообще любит, когда я читаю ей сти-

хи. Чувствую, первая глава ей понравилась — та, где две сестры вместе читают книжку.

И все-таки я здорово рискую. Врачи говорят, Вики нельзя смотреть телевизор, а нам не следует опрометчиво включать радио в одной с нею комнате. И если мы читаем ей вслух, то книга должна быть безвредной, без особого напряжения и конфликта. Нельзя расстраивать Вики. Никому не известно, что *где-то далеко-далеко за своей извечной усталой детской улыбкой Вики лишь* частично понимает, что может ее напугать: ведь она не различает границ между реальностью и вымыслом.

«Алиса в Стране чудес» не так уж безобидна. Но некое чувство подсказывает, что Вики надоели «Очень голодная гусеница» или «Кролик Питер», и моя связь с ней — единственное, что удерживает меня рядом. И я не позволю сомнениям оборвать нашу связь. Если это произойдет, я буду видеть в Вики только то, что самыми отвратительными словами выразила Кэтрин Пакерт.

Вот уже семь лет Виктория находится в состоянии бодрствующей комы. И все эти семь лет я каждую секунду надеюсь, что она проснется. Неожиданно, спонтанно, необъяснимо — так же, как она погрузилась в это состояние. Тогда мне казалось, что Вики унесла в свой мирок что-то очень важное. В одночасье вокруг нас с мамой стало так тихо. Жизнь, которую я знала, любила и хотела прожить, сгорела, а Вики с молчаливой улыбкой наблюдала, как остатки моего детства сыплются на нас пеплом. Очень долго я злилась на Вики, хотя и знала, что она ничего не может с собой поделать. Лишь много позже я начала бороться, и меч в руке помог принять то, что нельзя изменить.

Моей сестре уже девятнадцать. Но комната Вики выглядит точно так, как девочка ее украсила в двенадцать лет. Среди плакатов с лошадами и котятами висит один-единственный с Джастином Бибером. Даже тогда он смотрелся довольно мило. На полках — стопками комиксы, книги про лошадей и плюшевые игрушки горой, никто не знал, что еще можно подарить Вики в день рождения или на Рождество. В шкафу

висит несколько ее платьев в цветочек. Так и не смогли их выбросить, словно платья волшебным образом придутся Вики впору, когда она выздоровеет и придет в себя.

А вот в моей комнате многое менялось, и не раз. Зверюшек на плакатах сменяли певцы, музыкальные группы и футболисты, пока я не сняла их со стен и не выбросила. Теперь на стенах красуются пейзажные фото — удивительные изображения самых захватывающих мест на земле, все — с других концов света. Безделушки из США, Австралии, Японии, купленные через eBay, — все мои путешествия ограничиваются альбомами и роликами на ютубе. Металлическая табличка — Лондон, рамка для фотографий — пустая. Раньше в ней было наше с Финном фото, но мы расстались, и рамку я превратила в произведение искусства. Назвала так: «Ничего, просто классная рамка». Буквы на маленькой табличке, подвешенной ниже.

Не важно, насколько разными мы стали, — между мной и Вики существует особая связь. И клянусь, эта связь никогда не оборвется. Я знаю Вики лучше сиделки — та тридцать лет проработала с *другими* людьми; лучше врача, он каждые несколько недель обследует Вики с помощью аппаратуры. И ее извечная улыбка, которую люди зовут *ничего не говорящей*, — сообщает мне о многом.

И вот я читаю, слежу за реакцией Вики, между делом готовлю вторую чашку какао и потихоньку успокаиваюсь, видя ее улыбку.

Услышав скрип ключа в замочной скважине, захопываю книгу и засовываю ее в щель между обивкой кресла и подлокотником. Мне крышка.

— Мама пришла, — говорю, целуя Вики в щеку, — завтра продолжим, ладно?

Вики улыбается, и я выхожу из комнаты, чтобы сестра не слышала ссоры, которая сейчас непременно разразится.

— Скажи, что это все ошибка! — набрасывается на меня мама, вешая куртку в гардероб. Крючок ломается, мама шипит сквозь зубы ругательство и роняет куртку на пол.

Я закрываю дверь в комнату Вики.

— Привет, мам.

— Майлин! — Она злится.

Мама редко злится. Раздражается — да. Но нельзя упрекать за это мать, которая работает и в одиночку воспитывает двух дочерей-подростков. И при этом одна из дочерей беспомощнее младенца. «Не хотелось бы мне оказаться на месте миссис Уолш!» — говорят о маме люди. И они не имеют в виду, что рыжеватые мамины волосы давно поседели и растут так быстро, что никакое окрашивание корней не спасает.

Но мама не срывает раздражение на мне, наоборот. Обычно она всеми силами старается скрыть, насколько тяжела ее повседневная жизнь. Смотрю, как она пытается побороть усталость, — и теряюсь; все аргументы, тщательно обдуманное заранее, неожиданно кажутся бессвязными и путанными.

Поджав губы, мама проходит мимо меня и скрывается в комнате сестры, чтобы поздороваться.

Я плетусь на нашу крошечную кухню — за обеденным столом всего два стула, чтобы осталось место для инвалидной коляски. Посуда с завтрака ждет в раковине. Тьфу, опять я про нее забыла!

Мама входит на кухню, тяжело садится за стол, опершись на локти, закрывает лицо руками.

— Ты о чем вообще думала, когда хамила Кэтрин?

Между тем я наполнила раковину водой и окунула в пену первый стакан.

— Мам, тебя там не было, иначе ты бы не спрашивала!

— Позвони ей и попроси прощения. Она, конечно, в бешенстве, но, думаю, примет искренние извинения...

— Мама! Не буду я ей звонить! Ты понятия не имеешь, что произошло!

— И что же произошло? — Она поднимает голову, взгляд становится колючим. — А я скажу тебе, что произошло, Майлин! Из-за твоего хамства уволилась наша сиделка, и теперь мне надо думать, как объяснить начальнице,

что завтра я не пойду на работу! И послезавтра тоже! И не буду ходить до тех пор, пока у Вики не появится новая сиделка! Ты же знаешь, как тяжело было найти Кэтрин... — От ее тихого голоса мне не по себе, уж лучше бы она кричала.

— Твое поведение может стоить мне работы! Вот что произошло! *Боже мой!*

Машинально продолжаю тереть давно чистую тарелку.

— Я не могла поступить иначе.

— Хватит, Майлин!

— Но это правда, — выпустив тарелку в воду, оборачиваюсь к маме, — ты не слышала, что она сказала про Вики!

Стоит только вспомнить, и меня охватывает ярость — сердце колотится так, что в груди тесно.

— Она заявила, что Вики — всего лишь оболочка без чувства и разума, — из моих глаз градом катятся слезы, — *позабывший Смертью труп!* И Вики была рядом, мама! Она все слышала!

Мама опускает глаза.

— Она не это имела в виду. Майлин, у нее очень тяжелая работа. Это делает людей... прагматичными. — Вырвавшийся вздох больше похож на рыдание. — Да, она не имела права так говорить. Я побеседую с ней. Но и тебе нельзя грубить ей. Кэтрин утверждает, что ты обозвала ее злобной ведьмой.

— Не совсем.

— А как же тогда?

Горько усмехаюсь.

— Я назвала ее «Долорес Амбридж для бедных», — поясняю я, и лицо мамы кривится. — Откуда мне было знать, что кто-то вроде нее разбирается в «Гарри Поттере»?

Мама промолчала, но покрылась лихорадочными пятнами. Мне стоило остановиться, но слова рвались наружу.

— Мам, ничуть она не раскаивается! Она все время вела себя грубо! Стоило тебе уйти, как Кэтрин обращалась с Вики так, словно та какая-то обуза! То, что случилось сегодня, — верхушка айсберга, а...

— Закрой рот! — закричала мама. — Проклятье, Майлин, было бы из кого выбирать! Тогда уж не быть Кэтрин Паркерт сиделкой! Но у меня нет выбора, как ты не понимаешь?! Я искала неделями! Месяцами! Сейчас она единственная сиделка, квалифицированная, надежная и доступная по деньгам!

Сжимаю кулаки с такой силой, что короткие ногти впиваются в ладонь.

— Тебе просто так легче! Кэтрин презирает Вики! А ты даже мысль такую не допускаешь, потому что тебе неудобно!

— Прекрати! — шипит мама. — Ты преувеличиваешь! И пока все мы трое — да, Майлин, все трое, включая тебя! — зависим от моей работы и полученных мною денег, нам придется с этим мириться!

Вода капает с моих рук на линолеум, оставляя маленькие пятнышки на древесном узоре.

— Ты извинишься перед ней.

— Нет, мам. Ну пожалуйста! Давай поищем кого-нибудь! Если денег не хватит, я устроюсь работать. К тому же у меня есть некоторые сбережения, на Австралию. Ну не поеду туда, Австралия подождет! А пока не найдем сиделку, о Вики позабочусь я!

— Нет, Майлин.

— Доктор Мадли выпишет мне больничный, мы все ему объясним. А ерунду школьную пройду дома!

— Майлин, нет. — Мама обращается ко мне, словно к маленькому ребенку. — Школа — это важно. Это не обсуждается.

— Тогда...

— Ну, довольно! Ты должна извиниться перед Кэтрин.

— Да черта с два я извинюсь! — Кипя от гнева, бегу из кухни, но замираю на полпути. — Ты тоже веришь в пургу, которую вечно несет Кэтрин! Мол, Вики ничего не сознает, надо сдать ее в интернат! И не смотри на меня так — до меня сейчас дошло! Я не слепа и не глуха, мама! Но Кэтрин ошибается, я твердо знаю! И ты тоже знаешь! Но ты даже думать об этом не хочешь. Уверяешь себя, что Вики пустая оболочка без

чувств, потому что иначе совесть не позволит тебе оставить в сиделках эту ведьму!

— Майлин, прекрати сейчас же! — Голос мамы дрожит от ужаса. Ни разу я не говорила с ней так. Кровь шумит в ушах. Губы у мамы шевелятся, но я уже не разбираю слов.

Схватив сумку, выбегаю на улицу, громко хлопаю дверью. Горящими глазами оглядываю наш маленький домик, пинком распахиваю садовые ворота и запрыгиваю на старый гоночный велосипед, притулившийся у стены рядом с бельевой веревкой.

Прочь отсюда!

ГЛАВА 2

Ветер.

Ничто не утешает меня так, как бьющий в лицо ветер. Сильными порывами ветер словно руками треплет мои волосы, от него слезятся глаза, тяжело дышать и сердце выпрыгивает из груди — на мгновение ощущаю себя свободной, будто я... настоящая. В этот миг приходит осознание: жизнь — не просто существование, а нечто большее. В шуме и свисте ветра скрыт шепот, который тихо, но внятно прочит что-то важное. Нечто такое, что я еще не нашла, что никогда не перестану искать.

Наверное, я просто чувствую себя живой. Неприлично, вызывающе и до пошлости живой, в отличие от моей сестры.

На этой дороге мне знаком каждый камень, каждый ухаб и все трещины в асфальте, его уже много лет не меняли. Почему? Дорога от города Килларни бежит меж зеленых низин и поросших сочной травой лугов к поселку на холме — здесь мы живем, и по этой дороге редко кто ездит. Глядя на горы, озера и замок Росс из раскинувшегося внизу города, чувствуешь себя как на безвкусной идиллической открытке, не хватает только коров на заднем плане. Если смотреть отсюда, то дома на холме можно принять за деревню, но вид обманчив. Всего два-три жилых дома, осиротевший склад Джона Дира, Bed & Breakfast для экономных путешественников и казино.

Запустевшая Дорога-в-никуда переходит в Мейн-стрит в Килларни, по ее сторонам плотно жмутся друг к другу ярко раскрашенные домики с окнами и цветочными клумба-

ми, а еще магазины и отели. Летом здесь на одного местного жителя приходится по четыре-пять туристов.

Сворачиваю в сторону от симпатичных ресторанчиков и кафе и стремительно лечу мимо булочных, фермерских магазинов и дома, в котором на верхнем этаже живут с родителями мой лучший друг Рави и его сестра-двойняшка Рина. Как заведено, на первом этаже размещается индийская забегаловка, собственность их семьи. Мистер и миссис Шарма мечтают в один прекрасный день передать забегаловку детям, но Рави и Рина переделают ее или в котокафе, или в комнату страха, чем разобьют родителям сердце. Еду сквозь густой аромат экзотических приправ и свежего хлеба. Чуть погодя проезжаю «Теско» и торможу, потому что моя цель — здесь, сразу за парковкой, где на первый взгляд нет ничего, кроме складов. Привязываю велосипед к фонарному столбу. Этот ржавый хлам достался мне по наследству от папы. Одна из немногих вещей, которые он оставил нам с Вики до того, как ушел. Мама зовет велосипед старым металлоломом и объясняет, что папа не хотел сдать его скупщику металла: говорил, мол, сломан же только переключатель скорости, а все остальное в порядке.

Ласково глажу седло и глубоко дышу. Пытаюсь выпустить остаток гнева и разочарования, но получается плохо.

Как она могла доверить Вики этой особе?

Как она может просить меня смириться с этим?

Как я могла вести себя так ужасно? Мама права — у нее нет выбора.

Голова тяжелая от мыслей, но я переступаю порог школы боевых искусств. Я живу не в Килларни, поэтому могу позволить себе некоторую роскошь — личный шкафчик, где меня ждут мой бамбуковый меч синай, темно-синее просторное кимоно ги и богу — экипировка. Богу и защитную маску мне предоставил спортивный клуб — еще один бонус, спасибо тренеру Люсинде: мы не могли позволить себе снаряжение. Сегодня они остаются висеть в шкафчике, я беру только ги и меч. Экипировка мне ни к чему: я хочу отточить свою ката, а не сражаться.